

— Да, понимаю, что благо здесь больше, чем противного. Но то, что спонсоры стремятся быть на виду — смотрите, мол, какие мы добрые!.. Что-то есть в этом... Помните, как прищучил Верховный Совет Сахарова: «Вы трижды получали Ленинскую премию! Куда дели эти деньги?!» (Кстати сказать, то была сумма немаленькая — сто тысяч рублей, по нынешним временам — сто миллионов.) И Андрей Дмитриевич нехотя, его уже просто к стенке прижали, ответил: «Мы отдали эти триста тысяч на строительство онкологического центра». Но целое общество о том даже и не знало! Сам Сахаров жил в маленькой квартирке, не имел никакой красной мебели... Вот два разных поступка, два разных дарения. Сопоставляйте. Люди хотят выказаться. Конечно, так было во все времена. Но в воспитанном русском обществе знают, чего нельзя делать публично. Предвижу саркастическое: «Это вы будете учить меня, как следует вести себя в русском обществе?!» Извините, так получилось, ничего не могу поделать...

— **Ваше отношение ко всякого рода непрофессиональным художественным коллективам, как надо полагать из ваших слов, довольно скептическое...**

— Нехорошего в этом не так уж и много. Хорошего — довольно мало... Но любое занятие мальчиков и девочек в изо-, фото-, музыкальных и тому подобных кружках считаю благом, потому что в это время они не пьют в подворотнях политику, не колются, не насилюют, а приобщаются к более или менее культурному существованию.

Что же до взрослых... Дилетанты — если это не касается медицины, политики, науки, а также стихосложения — самые лучшие люди на свете. Однако если человек воображает себя поэтом, сумев зарифмовать четыре строчки, это беда. Графоманство — одно из самых распространенных заблуждений в любом обществе. Но в России оно наиболее выражено, конечно. Из сонма пишущих гениев — один. По этому поводу у Давида Самойлова есть стихотворение, написанное белым стихом. Звучит примерно так:

В этот час гений садится писать стихи.

В этот час сто талантов садятся писать стихи.

В этот час тыща профессионалов садятся писать стихи.

В этот час сто тыщ графоманов садятся писать стихи.

В этот час миллион одиноких девиц садятся писать стихи.

В этот час десять влюблённых юнцов садятся писать стихи.

В результате этого грандиозного мероприятия

Рождается одно стихотворение.

Или гений, зачеркнув написанное, отправляется в гости.

Нет-нет, я обожаю дилетантов! Среди них бывают очень одарённые люди. Человек с любовью занимается каким-то делом не ради хлеба насущного — и этим он прекрасен! У меня есть знакомый, он физик-теоретик, членкор, Евгений Львович Фейнберг. Лучшего знатока мировой живописи, литературы и философии я не знаю — этим творчеством он замечательно коротает досуг; им написано множество эссе по искусству, ещё при жизни Твардовского опубликованных в «Новом мире».

— **Ещё о ваших литературных интересах. Кажется, к Бабелю у вас особое почтение из пишущих в этой же манере? Скажем, дважды в одном и том же 1989 году вы сыграли его Арье-Лейба — в фильмах «Биндюжник и Король» Владимира Аленикова и «Искусство жить в Одессе» Георгия Юнгвальда-Хилькевича; есть у вас и совместная работа с Михаилом Филипповым — спектакль «Одесские рассказы» Исаака Бабеля» (режиссёр Никита Тягунов, 1984)...**

— «...В этой же манере...» Образ мысли этого писателя не может не быть близок любому. Его поиски выразительности, строй образов, его метафоры не могут не увлекать. Но со временем происходит какое-то переосмысление: ну успокойся чуть-чуть, право, не надо уж так восхищаться, превозносить кого-то одного... Ведь смотря что с чем сравнивать. С Толстым? Любое сравнение будет в пользу Льва Николаевича. Хотя бы потому, что им так ценились простота выражения, ясность, абсолютно игнорировалась эффектность речи. В русской поэзии? Баратынский. Столь умного, художественно мыслящего, самоироничного поэта нет, мне кажется, не то что в русской, но, может быть, и в мировой поэзии.

*Желанье счастья в меня вдохнули боги;
Я требовал его от неба и земли
И в след за призраком, манящим издали,
Жизнь перешёл до полдороги,
Но прихотям судьбы я боле не служу:
Счастливым отдыхом, на счастье похожим,
Отныне с рубежа на поприще гляжу —
И скромно кланяюсь прохожим.
Как современно, не правда ли?.. Какая не-*

возможная личность, какое необыкновенное счастье, что ты с ним дружишь! У меня есть такие друзья и среди живых тоже.

Ирония, обращённая на себя, как же это высоко и завораживающе! Думаю, это одна из самых ведущих черт любого мыслящего человека. Она никогда не поставит тебя в глупое положение относительно общества, и ты вряд ли будешь виноват перед людьми, если иронично относишься к самому себе. Ну как не хватает самоиронии замечательному молодому человеку Явлинскому!.. Или Шахраю... Не хватило самоиронии — и они друг с дружкой все перессорились при виде жуткого обвала, той кошмарной гибели, которая надвигается на нас, поверивших им. Обиделись! Ну надо же!.. Как можно Лукину, который публично декларировал дружбу с одним из самых самоироничных людей на свете Юликом Кимом, ничего не перенять от него?! Это ж с ума сойти!.. При том, что человеком кажется вполне восприимчивым, образованным...

Гениально всё-таки нашёл определение некоему явлению нашей жизни Солженицын — «образованщина», что вовсе не тождественно понятию «интеллигентность».

— **Что, на ваш взгляд, помогло бы её воспитать?**

— Думаю, интеллигентность воспитывается чтением русской литературы. Люди наизусть знают Пруста, Манна, Борхеса и тому подобных и забыли «Дворянское гнездо», «Вешние воды». Как это возможно? Быть русским, русскочитающим — и предать забвению такое рассыпанное перед тобой богатство?! И не надо бегать по книжным лавкам, искать — достаточно просто достать книгу с полки...

Последние годы я и на два дня не могу расстаться с синим томом Пастернака — на мой взгляд, это самое лучшее издание. Уже и истрёпан он, залестан, какие-то странички выпадают... При том, что читаю этого поэта целую жизнь, знаю очень многое наизусть, копаться, раскапывать истинный смысл в его удивительных строках — раньше как-то не замечал то место и только сейчас вдруг понял: так вот, оказывается, в чём тут дело! — невероятное наслаждение! Как это интересно!.. Дважды брался за «Фауста», но так и не одолел, пока его не перевёл Пастернак. Боже мой, неужели по-немецки это звучит так же высоко и прекрасно?! Не может быть!.. Конечно, нам ещё дико повезло: гениальные писатели переводили великих иноязычных сочинителей.

В общем, греет и держит на плаву, как принято говорить, знание того, что живёшь в одно время с какими-то совершенно особыми, необыкновенными личностями. Есть учёный Сергей Сергеевич Аверинцев, мы с ним не знакомы, но всякое сказанное или написанное им слово доставляет мне наслаждение. Ну какое счастье, что у этого народа есть Аверинцев! Это же необыкновенно, правда?! Аверинцев, которому Бог не дал и не даст быть участником чего-то грязного, корыстного, да просто безвкусного.

— **Похоже, и здесь ваши приоритеты, как у Пастернака в строках из стихотворения «Дерево, только ради вас...»:**

*И если мне близка, как вы,
Какая-то на свете личность,
В ней тоже простота травы,
Листвы и выси неприличья.
И вы вообще не позволяете себе никаких уступок?*

— Что вы, вся жизнь соткана из компромиссов! Без них не бывает. Во всяком случае, у меня. Хотя, конечно, смотрю на каком поводе допущена уступка... Вот открыл сегодня подаренную книжечку с пietetом на четыре строчки в мой адрес. Начал читать. Какое же чудо-вище! Мы не только с автором по разные стороны баррикады, из разных станом, но он — мой идейный враг. Удивительно, что человек, просидев полтора часа на моём выступлении, сам того не заметил! Я вовсе не желаю ему худа. Может, образумится. Как цыгане говорят, ещё наборзится — возмузжает.

У меня есть замечательный друг, хороший учёный, вот он совсем не умеет идти на компромиссы. О компромиссах просто речи быть не может. Этот человек, Владимир Иванович Зенков, не способен ни соврать, ни попросить о какой-то услуге — а, наоборот, только отдавать, отдавать, отдавать. Всё время. А пособить его нужде — уж как надо постараться изловчиться, чтобы он ничего не заметил. Жутко щепетилен.

— **Вашего имени сегодня, увы, не видно на театральных афишах...**

— В театре не играю. Но — зовут. И довольно часто. Уже, видимо, года полтора у меня совсем нет долгов, пенсия приличная, башмаков и кофт нам с женой покупать не надо — словом, экономически я свободен, поэтому от предложений, не самых соблазнительных, могу отказываться. Тоже, скажу вам, изрядное удовольствие.

Елена Константинова.

Беседа завизирована 12 апреля 1994 года.

Опубликована впервые в «СК-новости»

15 ноября 2017 года.

Игорь РОЗОВ

«Ионычи»?

1.

Напротив трамвайного депо, через дорогу, в самом начале Степовой, в старом трехэтажном доме жил доктор Чехович. Дед был его знакомцем с сорок четвертого, со дня освобождения города. Это я потом узнал, что старик практиковал еще с начала прошлого века. Поселился на Молдаванке и никуда оттуда не съезжал. К Чеховичу меня привели, когда были испробованы все методы лечения моего воспалившегося уха. Месяца три я ходил в школу с повязкой через голову, вызывая зависть одноклассников. Еще бы! К доске не вызывали: плохо слышу. Контрольные не пишу: ой, болит, спасу нет! Словом, лафа. Деду мои выходки надоели. В ближайший его выходной мы появились у старого лекаря. Гнутые «венские» стулья вокруг круглого стола. Какой-то поднос с незнакомыми блестящими предметами. И старик в белом халате, с бритыми лицом и черепом.

— Садитесь! — кивнул в сторону стула. Размотал повязку. Воткнул в ухо какую-то прокладную шпиковину и что-то долго там рассматривал. Потом сел за стол и на бланке, где сверху было напечатано «Доктор Чехович», стал выводить четким почерком непонятные слова. Теперь понимаю: писал рецепт на латыни. Повязку он поменял. Сунул деду в руки рецепт и отвел его ладонь, таянущую к карману белого халата.

— Нет, нет, Алексей Ильич! Это я — Ваш должник. Идите сразу в аптеку. Капать три раза в день. Через неделю — ко мне.

Провизор долго изучал написанное Чеховичем. Потом недоуменно вздохнул и приказал зайти вечером. Эту темную воюющую гадость — запах помню до сих пор! — капали в ухо семь дней. Когда бабуля привела меня в уже знакомую квартиру, я был без повязки, понимая, что мои «больничные» каникулы испарились. Чехович прожил долго. Лет до девяноста. Его хоронили всем двором, а на улице теснились люд разных возрастов. От стариков до молодых. Полагаю, бывшие пациенты. Вот как определить, кем он был для этих людей? Наверное, «семейным» врачом...

2.

Год назад жена пошла выгуливать нашего Левку. Псиная глупая, но добрейшая. Произошло это утром. А ночью шел дождь. Потом ударил мороз. И асфальт к рассвету превратился в каток. Левка, понятно, не очень-то желал гулять по холоду. И где-то к середине квартала, перед выходом на бульвар Жванецкого, рванул домой. Результат? Приехал сын и увез Наталью в травматологию.

Разговор с врачом.

— Будем накладывать гипс или предпочтете специальную повязку?

Тут я сделаю небольшое отступление. Поскольку ничего не понимаю в медицинской терминологии, использую исключительно бытовые определения.

— А что лучше, доктор?

— Повязка. Она хорошо держит локтевой сустав. Но стоит дорого...

Сын:

— Где ее купить?

— А в вестибюле есть наш киоск.

Сын:

— Нужен какой-то рецепт?

Врач:

— Я пойду с вами и сам скажу, что надо.

Принесли. Приспособили. Пару месяцев жена носила. Теперь эта шпиковина лежит где-то на полке. Каждый визит стоил нескольких сотен гривен врачу и чуть меньше медицинской сестре. Она «губкой» острожно вытирала плечо и локоть. Бюджет лечения не фиксировал. Понимаю: у каждого он бывает разным. Допускаю: кому-то ничего не стоит, а кто-то платит за это бесплатное многократно.

Посему статья 49 Конституции Украины, звучащая так: «Каждый имеет право на охрану здоровья, медицинскую помощь и медицинское страхование. Охрана здоровья обеспечивается государственным финансированием соответствующих социально-экономических, медико-санитарных и оздоровительных-профилактических программ. Государство создает условия для эффективного и доступного для всех граждан медицинского обслуживания. В государственных и коммунальных учреждениях здравоохранения медицинская помощь предоставляется бесплатно; существующая сеть таких учреждений не может быть сокращена. Государство способствует развитию лечебных учреждений всех форм собственности. Государство заботится о раз-

витии физической культуры и спорта, обеспечивает санитарно-эпидемиологическое благополучие», — это «липа».

Что всем хорошо известно.

Аптеки специализированные киоски при больницах — это еще одна история. Мне приходилось лежать в одной из одесских больниц. Происходило все в середине девяностых. Так вот, лекарств, нужных для лечения, там не было. Но в аптеке на первом этаже и жена, и сын покупали все необходимое.

Кто-то мне рассказывал такую версию. Врачи выписывают лекарство, которое есть только в знакомой им аптеке. И за это получают «откат». Довольны все: и лекарь, и провизор, и поставщик препарата. Внакладе, как всегда, пострадавший. Больной.

Не знаю, насколько реально такая схема. Допускаю: преувеличиваю. Но червяк сомнения волнует: а вдруг — правда? И если это так, то принцип «сооплаты», который заложен в принятую парламентом медицинскую реформу, опасен для кошелек большинства украинцев. Подчеркну: никто сегодня не знает, как будет формироваться, к примеру, цены на хирургические операции разной сложности. «Семейный врач», без направления которого больного не примут в больницу, может оказаться в одной «упряжке» со своим коллегой — профильным специалистом из этого учреждения.

Последний обладает возможностью задурить голову пациенту и его близким рассказом, что без определенного лекарства, процесс выздоровления не пойдет. Препарат может стоить дорого. Очень дорого. Но что остановит нас на пути спасения любимого и близкого человека? Что? Прекрасно, если у кого-то солидные доходы. А те, что лишены этой радости? Квартиру продавать? Впрочем, пока до таких печальных выводов время есть. Вдруг государство проявит гуманность и для малоимущих сделает медицину бесплатной?

3.

В компанию, где служит мой сын, приехал коллега из другого города. Было это года два назад. Поздняя осень выдалась теплой. Мужик заявился в Одессу не то чтобы налегке — теплые вещи у него были, но не учел опасность нашего ветра у крошки моря. Словом, через парудней — занемог. Кашлял. Чихал. Потом затемпературился.

Его отправили в один из модных в городе медицинских центров. Симпатичная барышня-терапевт усадила пациента в удобное кресло. Расспрашивает, что-то одновременно набирая на клавиатуре. Через минут пять-десять выдает диагноз: простуда, обыкновенная простуда. Несколько удивленный гость из другого областного центра Украины покинул уютный и красивый кабинет, изумляясь: до чего в Одессе дошла медицина! Даже не прослушали легкое, не заставили поднять майку. Медицина XXI века!

К вечеру температура подскочила почти до 39 градусов. Андруха привез к коллеге в гостиницу своего бывшего одноклассника, отдохавшего у родителей в отпуске. Врача. Тот после осмотра схватился за голову и срочно вызвал «неотложку». У командировочного нашли воспаление легких.

Предполагается так называемая «онлайн-консультация». Когда по телефону или по «Скайпу», «семейный» врач будет ставить диагноз. Ну, чтобы не выезжать на дом, не тратить свое драгоценное время на передвижения по городу. Не убежден, что в каждой одесской квартире есть компьютер. Уверен: далеко не каждый пользователь подключен к «Скайпу». Это я об Одессе. О районных центрах или отдаленных селах — молчу. Там электричество может отсутствовать если не месяц, то неделю точно.

4.

У Антона Павловича Чехова есть рассказ «Ионыч». Я вспомнил его не сегодня. И не в связи с медицинской реформой. И уж тем более не затем, чтобы проследить путь превращения романтического молодого врача в упитанного дельца от медицины.

В этой профессии, как в любой другой, есть разные люди. Понимаю, вывод — банальный. Но куда без него? Если повезет, как мне в детстве, то встретится доктор Чехович. А кому-то — барышня из модного медицинского центра, хотя, полагаю, и там присутствуют стоящие профессионалы. Но здоровье — это промежуток между рождением и смертью. Конечно, лучше не болеть. А то вдруг к вашей постели придет не Чехович, а Ионыч?